

Евгений Захаров

ПАРАДОКСЫ

Сборник мрачных рассказов

Евгений Захаров

**Парадоксы. Сборник
мрачных рассказов**

«Издательские решения»

Захаров Е. В.

Парадоксы. Сборник мрачных рассказов / Е. В. Захаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837454-8

Все рассказы в этом сборнике так или иначе парадоксальны. Мистика это или детектив, чистый хоррор или же триллер, объединяет их одно — неожиданная концовка в лучших традициях Роберта Блоха и Стивена Кинга.

ISBN 978-5-44-837454-8

© Захаров Е. В.
© Издательские решения

Содержание

Бабай	6
Горький сон	10
Депо	12
Защитники Отечества	19
Звериная тропа	23
Как в страшной сказке	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Парадоксы

Сборник мрачных рассказов

Евгений Валериевич Захаров

© Евгений Валериевич Захаров, 2017

ISBN 978-5-4483-7454-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бабай

*Темно. За окошком ни звука.
Луна из-за леса встает.
Седая лохматая Бука
С мешком по дороге идет...*

Тимофей Белозеров

Они заметили старика, когда он уже был совсем близко. Серега потом рассказывал, что дед был как дед, обычный. Старый, седой, с длинными волосами и бородой – тоже седой, но в которой еще виднелись темные пряди. Что характерно, он не опирался на палку, которые таскают сейчас все развалины после семидесяти. Да и одет он был не по-стариковски: в джинсы и гавайскую рубашу с пальмами. За спиной его болтался тощий мешок, на который пацаны поначалу не обратили внимания.

Серега же с Витьком сидели на обрезке канализационной трубы и резались в «кинга» на полоски. Как раз в тот момент Витек проиграл, и Серега, садистски ухмыляясь, проводил ему на руке очередную полоску острым выкидным ножом. Друган морщился, но терпел. На его руке таких полосок было уже пять, у Сереги же – всего две.

Сереге больше нравилось играть не с друзьями, а с посторонними людьми. Когда незнакомый тебе человек таращит глаза на карты и осознает, что он проиграл... Есть в этом какое-то мистическое наслаждение. А уж если играешь с чиксой твоего же возраста... Это же совсем другое дело, тогда и условия можно будет поменять. Ближе к концу игры, конечно. А игры у Витька с Серегой бывали разные.

Они знали друг друга давно, как любил говорить Витек, «с детской комнаты». Городок, где они жили, был маленький, поэтому эту парочку знали многие, большая часть из которых – боялась. Акселерация пошла парочке не на пользу. Два здоровенных лба (Витек – чуть поменьше, похилее в плечах) были, в сущности, еще детьми. Это очень любил акцентировать Серега, когда в местном парке подходил к гуляющей парочке и угрюмо говорил: «Дайте мальчику денюшек на мороженое». Естественно, на «денюшки», полученные в результате, «мальчики» покупали далеко не сладости.

– Надоело, – сказал Серега, защелкивая нож. – Давай лучше в ларек смотаемся – пару пивка стырим.

– Ага, иди, стырь, – хмыкнул Витек. – Вася тебе стырит – по балде дубинкой.

– А это на что? – Серега любовно оглядел ножичек, славно помещавшийся в ладонь.

– Так бы и говорил, – пожал плечами Витек. – Порежешь?

– Ну, если пивасика не даст... – усмехнулся Серега.

Он был на год старше Витька, но считал себя во сто крат мудрее и опытнее. Вот друган его – разве ж он сможет перышко на человека поднять? Хотя на той неделе, когда к Забродиным лезли, как он хозяина-то отмудохал! Вся рожа – один сплошной помидор.

Серега заржал, не сдержался. Витек сердито посмотрел на него.

– Конечно, тебе смешно, – проворчал он. – А пять полосок против двух – нечестно!

– Все честно, – кивнул Серега. – Я же в ларек пойду, не ты.

– Не, давай сначала реванш, – предложил друган. – Если я выиграю – играем до пяти!

– А если я?

– Тогда... Тогда я вместо тебя пойду.

– Идет!

Карты разметались. Игра шла ходко, но Витьку опять не повезло – свежая полоска украсила его предплечье.

– Ну так как? – прищурился Серега. – Идешь?

– Проиграл – значит, проиграл, – проворчал Витек, забирая у него ножик. – Хотя через весь парк тащиться... Ладно, сколько? Две полторашки «Медведя»?

– Возьми лучше «Мельника», – сделал заказ Серега.

– Сделаем, – Витек привстал с трубы, и тут взгляд его уперся прямо в старика.

– О-па, – сказал он медленно. – Дедушка. Бутылки собираешь, а? Бомжуешь?

– На бомжа не похож, – сказал Серега, оценивая прикид старца. – Знаешь, культурный чувак. Старый хиппан.

– Ребятки, – дед устало посмотрел на них. – На гнилое дело собрались?

– А ты прям бабка Ванга, – гоготнул Витек. – Тебе какая радость? Пивка купим щас, и все путем.

– Купим ли? А ножик зачем?

– Какой ножик? Этот?

И лезвие, выскочив на свет, уставилось прямо в живот собеседнику Витька. Серега аж подпрыгнул от радости – сечет фичу пацан!

– А ты меня не пугай, – все так же негромко сказал старик. – Меня не напугаешь. В отличие от других.

– Серег, я помираю, – сказал Витек, пробуя пальцем остроту ножа. – Это знаешь, кто? Костя Цзю. Он нас сейчас с тобой завалит и съест.

– Дед, чесал бы ты отсюда, – заметил Серега. – Только лопатник оставь – и чеши. Больно не будет.

– Ребятки, – тон старика не изменился. – Вы понимаете, какую глупость вы сейчас делаете?

По рассказу Сереги, именно в тот момент по его шее прошла волна мурашек. Он вспомнил что-то очень далекое, из детства, причем раннего, когда ему было года три. Он мог поклясться, что никогда не видел этого старикана раньше. И все-таки...

– Ну че, дед? – прервал его воспоминания голос Витька. – Бабки сам отдашь, или к бабке сходим?

– К какой бабке?

– К твоей.

– Нет у меня бабки. Один я, внучек.

– Внучек у тебя в штанах. А ко мне обращайся «Виктор Борисович».

– Витек, ну ты приколист! – Серега тоже вскочил с трубы. – Слышь, старичок? Он дело говорит. Если с собой нету, может, домой сходим? Ты где живешь-то?

– Недалеко, – усмехнулся старик.

– Рядом, что ли? На Ломоносова?

– Вроде того.

Усмешка старика стала нервировать.

– Ну-ка, рожу попроще! – скомандовал Серега. – Пошли.

– Куда?

– Домой к тебе, «куда»?

– Зачем?

– Ох, дед, ты допросишься! Пенсия у тебя большая, ты явно ветеран, им сейчас хорошо платят. Тем более, один живешь. Небось, на похороны откладываешь?

– На чьи?

– Все, ты достал, мумия вонючая! – нож Витька взрезал пеструю дедову рубаху. – Или бабки на месте даешь, или пошли на хату!

– Раз так, идем, – покладисто отозвался дед, развернулся и двинулся по направлению к улице Ломоносова. Витек и Серега, не веря такой удаче, шагали рядом с ним, по бокам, как секьюрити. Время от времени Витек касался острой сталью стариковского бока и шипел:

– Только вякни, старый хрен – с нас спрос маленький, мы несовершеннолетние. Скажем, что ты сам на нас полез!

Но старикан шел себе и шел, не обращая внимания на угрозы, как, собственно, и на нож. Шел размашисто, взметая ногами опавшую листву. Мешок ритмично хлопал по тощей спине. Со стороны могло показаться, что дед ведет внуков на осмотр достопримечательностей.

Дом его оказался последним на улице. Маленький, с покосившейся крышей и навесом, сделанным из прибитого к деревяшкам раскатанного рулона толя, он казался логичным завершением небольшой кривой улочки, начинавшейся как раз от входа к парку.

Старик толкнул дверь. Она оказалась не заперта, и вся троица вошла внутрь.

– Я не понял, слышь, козлина седая! – удивленно сказал Витек. – Ты куда нас приволок, а? Это что, дом, по-твоему?

Да, Серега тоже заметил, что на жилое помещение это мало похоже. Ветер гулял туда-сюда через разбитые стекла, у стены стояла ржавая металлическая кровать. Замызганный стол посреди комнаты и два стула, один из которых был перевернут, довершали картину. Ясно было, что денег в этом доме никаких нет.

– Ты че, дед, оборзел? – Серега сжал кулаки. – Какого ты выделяешься? Щас по репе наступим!

– Ребятки, вы себя плохо ведете, – сказал старик, улыбаясь углом рта. Борода его от этой гримасы нелепо перекосилась.

– А сейчас будем вести себя еще хуже, – пообещал Витек. – Серый, поддержи старикашку...

Но поддержать старикашку не получилось. Дед улыбнулся и, сняв с плеча мешок, принялся развязывать его.

– Если у ты там игрушки какие – лучше выкинь! – завопил Витек, но Серега услышал, как его голос предательски дрогнул. – Слышь, че говоришь? Не доводи до греха!

– Да уж куда доводить-то, и так немало... – старик разогнулся, держа в руках мешок. – Зря вы, ребятки. У меня и возраст уже не тот. Хотя для такого дела...

– Серега, поехали! – и Витек, бросившись вперед, дважды махнул из стороны в сторону ножом. Оба раза пропали даром – лезвие рассекло только воздух. Неожиданно прыткий старик уже стоял в противоположном углу у окна, держа мешок наизготовку, как охотник-змеелов.

– А ну, дед, иди сюда! – бросился на него и Серега, но гавайская рубашка мелькнула мимо его глаз, и потерявший равновесие парень гулко ударился головой о подоконник.

– И-и-и! – завизжавший Витек, выставив перед собой нож на вытянутой руке, как копьём попытался ткнуть старика.

Сталь ушла вбок, сухое жилистое колено врезалось прямо в локоть мальчишке. Тот взвыл, нож со стуком выпал на пол. Дед же отскочил в сторону и вновь нацелил на парня мешок, черный зев которого притягивал взгляд.

– Витька! – запоздало крикнул Серега, неожиданно вспомнив всплывший из глубин подсознания детский страх...

Но было поздно. Витек, замахав кулаками, с разгону набежал на деда, норовя попросту смять того, как носорог... И внезапно по пояс ушел в мешок. Старик же деловито принялся пропихивать его глубже, подняв мешок и, как сахар, утрясать попавшего в рогожный плен вопящего пацана.

Сергеа понимал, что надо рвать когти, но даже подняться не мог, только, как замороженный, смотрел, как в небольшом, в общем-то мешке постепенно исчезают дергающиеся ноги в спортивных штанах с лампасами. Мешок же издавал какие-то утробные, всасывающие, глотающие звуки, а из его недр еще какое-то время доносились приглушенные крики, перешедшие в затихающий отчаянный вой. Когда в полотняной пасти исчез сначала один, а за ним и другой кроссовок, старик рывком затянул шнурок, стягивающий края мешка. К ужасу Сереги, вой вскоре оборвался.

– Хорошо, хорошо, – приговаривал старик, поднимая свою ужасную, слабо дергающуюся ногу и вешая ее себе на грудь. – Очень хорошо.

Он поглаживал мешок, как кота. Тот вновь зашевелился, но уже как-то иначе, а затем стал... вращаться в щуплое белое тело старика, которое тот обнажил, расстегнув гавайскую рубашку. Медленно, неторопливо дед поглаживал мешок, который все больше сливался с туловищем, создавая единое целое. Наконец, впитав в себя мешок полностью, старик распрямил плечи и закрыл глаза. По его лицу растеклось выражение неимоверного покоя.

Как Серега выбрался из того страшного дома, он не помнил. Но за ним никто не гнался, не пытался схватить за ноги, ничего похожего. Трясаясь от страха, парень добрался до ближайшего милицейского поста. Но никакие проверки ничего не дали. Дом тот по сведениям БТИ и на балансе-то не числился, ожидая сноса, стоял заколоченным вот уже пять лет, и никаких стариков там никогда не было.

Хотя об этом Серега догадывался. С этого дня в его психике наступил перелом. Глупо было бы предполагать, что он исправился и с этого дня совершал только хорошие поступки. Нет. Многие он совершил в дальнейшем. Всякое было – и хорошее, и плохое. Но иногда, особенно по вечерам, он мог часами сидеть, подолгу уставившись в одну точку и подсакивая от каждого шороха. Оказалось, что детские страхи не уходят. Они всегда рядом, и могут напомнить о себе. В любое время. Особенно, когда ты этого не ждешь. А Серега ждал...

Горький сон

– Вот так ты обнимал мою доченьку? А так ты, должно быть, гладил ее шейку, скотина? Ну так я же тебя поглажу, мразь! Нравится? Нравится? Нравится?..

* * *

«Криминальная хроника. Вчера ночью в городской тюрьме скончался один из обвиняемых по делу Митиной. Павел Игошин, восемнадцати лет, был найден мертвым в своей камере, где с прошлой недели пошли первые дни его срока – пятнадцати лет. Смерть наступила от удушения».

* * *

– От удушения, – я потер руки и с хрустом размял уставшие пальцы. – Еще от какого удушения. Надеюсь, ему было так же приятно, как и моей малышке.

Год назад они изнасиловали и убили ее. Втроем. Три свиньи напали на мою дочку в подворотне, каких много в нашем районе. Может, в тот момент им было приятно и хорошо, но то, что их ждет... Нет уж, теперь удовольствие ждет меня. Хотя дорого бы я дал, чтобы этого не случилось.

Я – доктор физико-математических наук. Обычный очкарик-книжный червь, скажете вы? Да нет, дорогие мои, современный ученый может себе позволить и домашний спортзал, и бассейн... Вот только он не может добиться справедливого приговора от этих трясущихся стариков, купленных-перекупленных судей. Черт...

Я просил их, умолял, даже угрожал! А сколько денег было переправлено из моих рук в эти загребушие лапы! И все равно – пожизненное и два по пятнадцать! Это все, что они смогли сделать! Да мне насрать на вашу систему! Евросоюз не позволяет им, видите ли, казнить преступников! А когда дойдет до их детей... Если бы дочку или сына кого-нибудь из этих шишек разодрали вдоль и поперек, да так, что пришлось бы несколько раз приходить на опознание – они бы и тогда кричали о справедливости для всех и повторных апелляциях? Да они своими бы руками передушили этих подонков! Что я и намерен сделать. Да я уже делаю, черт побери!

Мама ушла от нас с Ксюшкой лет десять назад. Так что я сам возился с ней, сам повел в школу, мы с ней сначала исходили весь город, потом объездили всю страну. Этим летом я обещал свозить ее в Новую Зеландию, денег за лекции в Оксфорде хватило бы с лихвой.

И вот однажды прихожу домой – тишина. Мертвая. И Ксюшка мертвая. Это я потом узнал, утром – когда ее нашли...

У меня не хватило возможностей довести дело этой троицы до стенки. Но у меня хватило ума и средств, чтобы сделать то, что я сделал. Я бился над этим препаратом весь год, что тянулось следствие. И я его сделал! Не знаю, что это – везение или Божья благодать, но мне удалось! Компонентов много, и я не собираюсь вам их выдавать. Все, что имело к этому отношение, я уничтожил. Испытаний не было – все на себе. Зато теперь с помощью моего раствора, которое я назвал «Жало», мне удастся проходить сквозь стены, да мало того – проносить с собой разные мелкие предметы. Первым предметом.. Да, веревка. Первым была веревка. Как славно бился этот щуплый подонок! Но ничего, второй пострадает подольше.

Что? Они не узнают, кто это сделал? Да я же разговариваю с ними! Они всё знают! Пашка был первым. Следующий – Лешка. А уж Игоря-то я оставлю напоследок. Он должен помучиться подольше. Интересно, эти двое догадываются? Да куда им, они лишь в курсе того, что показывают в новостях.

Надо подготовиться на завтра. Леша, я иду! Я уже скоро! И ножичек возьму самый острый! Острее, чем тот, которым ты... В общем, тебе понравится.

* * *

«Криминальная хроника: вчера в городской тюрьме произошло очередное ЧП. От полученных ножевых ранений скончался Алексей Крытов, двадцати двух лет. Он проходил по тому же делу, что и погибший накануне заключенный Игошин. Принимая во внимание это странное совпадение, начато следствие».

* * *

Да, дорогие мои! Это снова я! Как и в прошлый раз, я прошел через стену так бесшумно, что ни охранник, ни этот урод ничего не заметили. Хотя, что это я? Урод как раз заметил! Еще как!

Я погружал в его дергающееся тело раз за разом маленький ножичек, годный разве что для сбора грибов. Предмет, не помещающийся в кулаке, мне с собой не пронести. Но этой мрази хватило и этого! Урод, он еще пытался кусаться! Но по зубам он получил славно! Да и кишки его размотались почти до самого пола!

Господи, о чем это я? Кишки... Кровь... Какой ужас... Доченька моя, дорогая...

Игорь. Остается Игорь. Надо было начинать с Игоря. Но только остальные остались бы не наказанными. А так... Нет, на эту сволочь у меня еще хватит сил и выдержки. Этот препарат... Я не учел одного... «Жало» оказалось обоюдоострым. Оно сжигает все системы моего организма. Кровеносную, пищеварительную, нервную. Все. Утром я харкал кровью. А сейчас меня трясет. Поэтому и почерк такой неровный. Я держу одну руку другой и пишу. Но все будет хорошо. Остался всего один. А потом... Наплевать, что будет потом. После нас – хоть потоп. Людовик какой-то. Хахаха...

Только не спать. Не спать. Системы. Отказывают. Но надо. Жжет. Все жжет. Но это быстро. Я знаю, как быстро. Просто отравлю. Зашел на кафедру химии. Замок там – плевое дело. Как там, у Пушкина? «Под утро возвратился с ядом»... А я вот под утро вернусь без яда. Х-ха... Жжет.

* * *

Ну почему ж нет вестей? Нет новостей... А я на совесть накормил этого мерзавца давился но жрал. Может вспоминал как кусал звереныш мою дочуру? Даже если не вспоминал, так я ему напомню! Вообще ручка никак... Нухоть спокойноте теперь будет... Новости! Сдох?! Что? Ччто?!! Нет, не может быть! Раствор! «Жало»! Жжж...

* * *

«Криминальная хроника: Игорь Желудь, 27 лет, осужденный пожизненно за убийство Оксаны Митиной, вчера ночью был доставлен в тюремную больницу с диагнозом „прободение язвы“. Врачи сделали все возможное, заключенного удалось спасти. Буквально в то же время были найдены виновники убийства подельника Желудя, Крытова – он отказался возвращать карточный долг. Третий же их соучастник, Игошин, повесился на собственном ремне после того, как его изнасиловали его же сокамерники, узнав о статье, по которой сидел Павел. Таким образом, ни о каком совпадении речи быть не может. Дело закрыто».

Депо

Лешик проснулся. Да он, собственно, и не спал – так, придремал слегка. От конечной остановки трамвая, на котором он сейчас ехал, до остановки «Сенной рынок», на котором Лешик обычно сходил, езды было как минимум сорок минут, как максимум – с учетом всевозможных пробок, поломок светофоров и прочей дорожной дребедени – час с лишним. Поэтому, возвращаясь с работы, Лешик любил немного подремать. Тем более, что трудиться он заканчивал часам к восьми, аккуратно в то время, когда на небе уже появляются звезды. Располагает, черт возьми! А если учесть, что сейчас был конец февраля, темень и вовсе стояла кромешная.

Особенно сейчас. Лешик проснулся как раз от того, что стало как-то слишком темно. Не били по глазам огни неоновых реклам и лучи фонарей. Трамвай вообще не двигался. На улице было темно. Никаких огней, положенных быть на улице в такое время суток. Только нестерпимо яркий свет в вагоне.

– Спокойно, граждане! – раздался голос. Кондуктор. До чего визгливая баба! – Мы в депо заехали. Там дорогу надо освободить, или что-то вроде. Галь, чего там?

– Вроде передали, что «пятерка» должна заехать, чичас пути перекроет, – отозвалась из своей кабинки шоферша. – Ниче, мы кружочек сделаем, и на выход. Так что не волнуйтесь.

– Мы и не волнуемся, – проворчал Лешик.

– А я – очень! – закричала какая-то бабулька с переднего сиденья. – Меня внучок заждался! Очень просил: «Привези, бабань, мне киндерсюрприз», прости Господи! Где я только этого сюрприза не искала! И знаете, где нашла?

– В магазине, – пробормотал Лешик.

– У магазине! – триумфально сообщила бабка.

– Надо же, – и Лешик стал смотреть в окно. Но там ничего интересного не было. Сплошная темень – чего там разглядишь?

Вагон тронулся и проехал немного вперед, заворачивая за какое-то темное массивное строение. Потом снова встал.

– Слышь, Михална, я сгоняю? – спросила кондукторшу Галя. – Гляну там, может, отметить чего нужно? Да и со светом разберусь. Всегда ж фонарь-то горел.

– А иди, – кивнула кондуктор Михална, толстая тетка в очках, закутанная в шерстяной платок. – Я тут посижу. Посторожу.

Галя выскочила, а Михална пробралась в кабину и щелкнула кнопкой, закрывшей переднюю дверь.

– Посторожите, тетя, – сказал долговязый пацан с заднего сиденья. Сидевший рядом с ним такой же недоросль загыгыкал, поддерживая друга. – А то мало че, умыкнем ваш вагончик!

– Слышьте, вы там рот закройте оба! – потребовала Михална. – Вот тоже с месяца два назад случай был. Один колдырь вот залез так, а водитель побежал отмечаться, ну и дверь не закрыл, думал – по-быстрому получится. Так завел, пьяница, да и погнал во всю прыть. На переезде в «уазик» влупился – только брызги полетели!

– От колдыря?

– От стекла! Все лобовое – всмятку!

– Так они же пластиковые!

– Вот и представьте, как влупился! Так Ваське, водителю-то потом – по шапке! Сейчас вон ходит, дворы метет.

– Страшная история, – зевнул Лешик.

– А вы чего смеетесь, молодой человек? В очках, а туда же!

– Вы еще скажите: «А еще шляпу надел!» – отрезал Лешик.

– И скажу! Я, кстати, запомнила – билет-то вы взяли? Предъявите!

– Я его съел. На счастье, – и Лешик показал кондукторше цветную бумажку. Та с явным разочарованием отошла.

От нечего делать Лешик стал разглядывать пассажиров. Да их было-то – раз, два – и обчелся. Бабушка впереди, два пацана сзади, какой-то мужик в дубленке и «жириновке», натянутой на уши. И девушка в светло-коричневой шубке. Она сидела, отвернувшись к темному окну, но Лешик видел ее отражение в стекле – так отчетливо, как будто смотрел ей прямо в лицо. Внезапно он поймал ее взгляд – оказалось, что она тоже заметила его отражение, а стало быть, и то, что он ее разглядывает. У Лешика потептели уши, и он торопливо отвернулся. Но хитрое стекло, освещенное изнутри и полностью темное снаружи все равно дало ему возможность рассмотреть девушку.

Тоненькая, с длинными каштановыми волосами и ласковым взглядом, от которого бы растаял даже снеговик, девушка пыталась придать себе вид строгой и неприступной особы, но Лешику стало ясно, что все это лишь притворство. Нет, такое слово было неприменимо для столь нежного и хрупкого существа. Наверняка именно скрывая свою незащищенность, девушка принимала вид недотроги. Уж слишком «домашним» и теплым был ее взгляд. Лешик машинально перевел взгляд на ее руки – и с непонятым облегчением обнаружил, что обручального кольца на пальце нет. Есть только элегантный перстень с переливающимся зеленоватым камнем.

– Да что за елки-моталки! – закричала вдруг визгливо Михална. – Где Галя-то? Уже минут десять стоим, не иначе! Надо разобраться пойти!

– Не уходите! – завопила в ответ бабка. – Сейчас как разбежитесь все, а мы куда потом поплетемся, в темнотище-то такой!

– Сама не хочу! – отозвалась кондукторша, выставляя перед глазами сложенные ладони, прижимая их к стеклу и пристально вглядываясь. – Дак не видно ж ни хрена! Хотя б фонарик был!

Тут что-то с силой ударило по стене вагона. Бабка с кондукторшей взвизгнули.

– Че там, а? – пацаны повскакивали со своих мест, движимые извечным инстинктом зевак – посмотреть, что произошло. – Че там бахнуло? Теть, открой дверь!

– Знаете что! – отозвалась Михална. – А вот и не открою! Мало ли! Мож, там террористы!

– Ага, и захватили ваше депо, – вставил Лешик, – чтобы отсюда диктовать свою волю надменному соседу.

– Юноша, может, хватит? – потребовала кондукторша. – Вот вы все шутите, а там, может, несчастный случай с кем-то произошел!

– Так, – со своего места поднялся мужчина в дубленке. – Надо все-таки открыть и посмотреть, что там.

– Ну я-то что, я открою, – почему-то засуетилась Михална. – Токо смотреть сами пойдете!

Она подождала, пока человек в дубленке подойдет к передней двери, после чего скрылась в кабине. Щелкнула кнопка, дверь отъехала в сторону.

Мужчина тяжело сошел по ступенькам.

И тут же – Лешик успел это заметить, но так и не понял, что это было – нечто проскользнуло мимо открытой двери. Раздался глухой стук. Видневшаяся «жириновка» шедшего вдоль вагона мужчины покачнулась. Позвучал свист, подобный тому, что издает хлыст. Шапку сорвало, обнажив седоватую макушку. Больше ничего разглядеть было нельзя, да и вовремя очнувшаяся Михална в своей кабине ударила по кнопкам, как по клавиатуре рояля. Дверь визгнула и закрылась. Но и свет погас.

– Мамочка, – раздался в темное шепот, принадлежавший девушке.

Лешик подскочил и уселся на соседнее место. Незнакомка вскрикнула.

– Не бойся, – сказал Лешик. – Чего кричишь? Что там?

– Мамочка, – еще тише сказала девушка и показала пальцем на окно. Лешик поглядел. То, что он увидел, не придало ему мужества.

Что-то сразу под окном рвало на части мужчину в дубленке. Было даже видно, почему он молчит – длинный разрез на его шее раскрылся в виде огромной окровавленной улыбки. Голова мужчины моталась в такт движениям терзающего его существа. Кровавый снег – вот что еще отметил Лешик, красно-кровавый.

Тут раздался очередной щелчок, и свет вновь залил вагон, милосердно скрывая от глаз Лешика и девушки неприглядную картину. Из кабины показалась бледная Михална.

– Простите, граждане, – сказала она уже не так визгливо, как раньше. – Я нечаяно кнопок несколько нажала, ну и...

Лешик подумал, что было бы, если бы она случайно нажала кнопки, отрывающие все двери... А что было бы? Что, вообще-то, происходит?

– Слышь, чумандос, – сказал один из пацанов другому. – А че там с мужиком-то было?

– Дебил, – не остался в долгу другой. – Она его сожрала!

– Кто?

– Ну, эта горгулья!

– Сам ты горгулья! Это вампир был! Он и сожрал!

– Вампир без хвоста!

– А у этого был хвост! Че ты вообще? Иди да посмотри!

– Ага, щас прям. Иди сам посмотри!

– Да заткнитесь вы уже, уши болят, – не выдержал Лешик. – Два придурка! Там мужика разорвали, и совсем неважно – кто. Надо думать, что делать.

– Надо дожждаться солнца, – заявил один, тот, что уверял, будто тварь является вампиром. – Тогда он рассыплется.

– Не, окаменеет, – упрямо сказал второй. – Это же горгулья.

– Батюшки, – сказала бабка с переднего сиденья. – Что ж это деется? А меня унучок ждет с киндерсюрпризом!

– Вот тебе, бабушка, и сюрприз, – сказал Лешик. – И без всяких там киндеров.

– Послушайте, – сказала вдруг тихо девушка. – Вы что, вот так запросто об этом говорите? Тут же происходят вещи, которых просто не может быть!

– А может, кино снимают? – спросил один из пацанов (Лешик уже про себя окрестил его Вампиром). – Ужастик.

– Выйди и попроси гонорар, – сказал Лешик.

– Я б вышел, – сказал второй пацан – Горгулья. – Только дверь откройте. Я как дерну!

– Ты видал, какого она мужика завалила! – сказал Лешик. – Дернул бы он...

– А че – правда! Давай попробуем! – загорелся Горгулья. – Гляди – тут до входа из депо метров триста, так? Я стометровку делаю за пятнадцать сек! Меньше минуты – и я снаружи!

– А где гарантия, что снаружи не так, как здесь? – разумно сказал Вампир. – И куда ты дальше?

– Не, ну фонари-то – во-он, гляди, горят! – не сдавался Горгулья.

– Ты что – с ума сошел! – девушка округлила глаза. – Не надо! Давайте лучше вместе помощи ждать. Или рассвета. А вдруг поможет?

– Ребятки, вы чего это? – заголосила вновь бабуля. – Не оставляйте меня! Я старая, быстро бегать не могу!

– Никто не бежит никуда, бабуль, – сказал Лешик. – Посидим, подождем. Может, они света боятся. И не полезут сюда.

Он говорил это, чтобы утешить девушку, а заодно и успокоиться самому. Просто чтобы что-нибудь говорить.

- Что это за камень? – спросил он, указывая на перстень. – Сапфир?
- Изумруд, – ответила девушка. – Сапфир с другим оттенком.
- А-а, – сказал Лешик. – У меня тоже было кольцо с камнем. Только я его потерял.
- Кольцо?
- Камень. Красивый был. А зачем мне кольцо без камня? Так дома и валяется где-то.
- Ты бы новый вставил.

Лешику было стыдно признаться, что у него не так много денег, чтобы вставлять камни в перстни. Даже само кольцо ему подарили на день рождения скинувшиеся коллеги. Поэтому он решил свернуть щекотливую тему, тем более, что следующий вопрос уже вертелся на языке:

- Да ладно... Слушай, а ты не работаешь на «Пульсаре»?
- В телекомпании? Нет. А что?
- Да там девчонка одна новости читает – ну вылитая ты. Конечно, не такая красивая...
- Нет. Хотя там работает мой брат.
- Ну, с ним бы я тебя не перепутал.

Она коротко засмеялась. Хотя в подобных обстоятельствах вряд ли бы кто-то мог засмеяться. Лешик сразу ее зауважал.

– Сидят, треплются, – по салону шла угрюмая Михална. Базарные нотки мало-помалу возвращались в ее голос. – Нет бы правда, что ли, выскочили – авось помощь бы привели. Молодые, долгоногие...

Тут же в ответ на ее тираду новый удар сотряс вагон. Теперь он был направлен с другого бока, противоположного дверям. С той стороны никто не сидел, но после удара и бабка, и пацаны, и даже ворчливая кондукторша как-то сгрудились, рассевшись вокруг Лешика и девушки. Все молчали, ожидая новых ударов. Их не последовало. Зато раздались звуки куда более отвратительные – скрип и скрежет, как будто кто-то водил когтями по бокам трамвая. Они раздавались одновременно в разных местах. Лешик взглянул на девушку. Она широко открыла и без того огромные глаза, губы немного приоткрылись, превращая лицо в типичную маску испуга.

Снова раздался шум – но уже с крыши, словно кто-то спрыгнул на нее с дерева. Сверху понеслись топанье и скрежет, а потом кто-то прижался к вентиляционному отверстию и задышал – хрипло и страшно, втягивая с шумом воздух... запах сидевших в трамвае.

Бабка стал шепотом читать молитву. Пацаны тоже явно нервничали. Вампир стал бледным, как свой тезка, а Горгулья окаменел, задрал голову к потолку.

Внезапно что-то прижалось к оконному стеклу. Жуткая синюшная морда, принадлежащая непонятно кому. Она задрала верхнюю губу, обнажив неестественно белые клыки и взвыла:

- Ы-а-ау! Ы-а-а-а-у!

Глухой тоскливый звук с той стороны стекла, видать, совсем доконал Михалну. Она вдруг часто-часто задышала, совсем, как существо на крыше, а потом стала заваливаться на спину, хватаясь руками за несуществующую опору. Пацаны подскочили и успели ухватить падающую женщину.

– Я сейчас! – Лешик метнулся к кабине и принялся рыться в вещах водителя, отыскивая аптечку. Она всегда должна быть для подобных случаев, било у него в висках, для пассажиров, например. Есть!

Сживая в руках ящичек, Лешик вернулся.

– Дай, – девушка забрала у него аптечку и ловко принялась проверять ее содержимое. Найдя флакончик корвалола, она быстро накапала в крышечку двадцать капель и поднесла ее к губам Михалны. Та с усилием вытянула шею, открыла рот и проглотила жидкость.

– Теперь надо ждать, – сказала девушка.

– Нет, мы погулять пойдем, – попробовал пошутить Горгулья, но улыбка странно смотрелась на его нервно искривленных дрожащих губах.

– Дочка, я за ей пригляжу, – сказала бабка, подходя и усаживаясь возле кондукторши. – Ты вот чего, идите с твоим парнишкой в кабину да позвоните в звонок! Как-никак сигнал тревоги...

– Точно! – Лешик вскочил на ноги. – Пошли! Слышала, я уже твой парнишка!

– Иди давай, ухажер, – подтолкнула его в спину девушка.

– Могу я наконец узнать имя моей суженой? – продолжал паясничать Лешик.

– Ира, – сказала незнакомка. – Но это к делу не относится. Иди звони в службу спасения.

– Кстати! – хлопнул себя по лбу Лешик. – У меня же...

Он полез за пазуху, но его лицо тут же вытянулось. Ну конечно, вынул свой «Филипс» дома подзарядить батарейку и, конечно, забыл. Ну в любой день – пожалуйста. Но почему сейчас!

Он повернулся к Ире. Она смотрела на него таким же растерянным взглядом.

– Подзаряджала и забыла дома, – сказал за нее Лешик.

– Откуда ты знаешь?

Лешик сделал губами что-то вроде «Пфф» и принялся искать звонок.

Трезвон раздался мощный. Лешик с Ирой давили на кнопку по очереди минут пять – безрезультатно. Правда, удары снаружи смолкли, но, как очень скоро поняли пассажиры, совсем не для того, чтобы прекратиться совсем.

Сначала снаружи раздалось буханье, похожее на звук шагов тиранозавра в фильме «Парк юрского периода». По крайней мере, стекла вагона вибрировали довольно сильно. А потом на стену трамвая обрушился такой мощный удар, что Вампир грохнулся с сиденья, а Ира, ойкнув, упала прямо на руки Лешику. Потом раздался еще столь же мощный удар. Лампы стали угрожающе моргать.

– Они хотят сбить нас с проводов! – заорал Горгулья. – Откуда они знают?

– А тебе почем знать, кто они? – отозвался Лешик. – Может, они знают о нас все?

После третьего удара цель неизвестных была достигнута. На крыше что-то заскрипело, бухнуло, потом раздалось резкое шипение, сверху посыпался сноп искр – и свет погас вновь. На этот раз Лешик был уверен, что надолго.

Снаружи раздался рев. Скрежещущие вопли сплетали с трубными звуками, похожими на крик лося. Особенно сильно в общем хоре выделялось пронзительно-тонкое: «Ак! Ак! Ак!» Ира прижалась к Лешику, а тот шарил глазами по тесной водительской кабине, пытаясь найти хоть какое-то оружие.

Стекло раздвижной форточкой рядом с сидящим Горгульей вдруг с хрустом вдавилось вовнутрь, и две огромные, со вздувшимися венами лапы буквально выдернули мальчишку из небольшого вроде бы отверстия. Вампир заорал. Он кинулся к валявшемуся на сиденье стеклу, хрястнул по нему каблуком и выломал один довольно большой и острый осколок. В то же мгновение в форточке показалась одноглазая физиономия с одним рогом посреди лба и двумя вылезающими на верхнюю губу нижними клыками. Вампир с криком вонзил в единственный глаз твари осколок, который держал в руках. Циклоп издал протяжный басовитый визг и бестолково замахал руками. Подбежавший Лешик ухватился за поручень и ударом ног выбил бестолково машущую лапами тварь наружу. Вампир заскулил. Он не успел удержать свое единственное оружие, и его острые грани резанули парня по ладоням. Закапала кровь.

– Иди, Ирина тебе перевяжет, – сказал Лешик и подтолкнул парня к водительской кабине, а сам занял оборону у окна. Однако, похоже никто не хотел повторить судьбу своего коллеги и остаться без глаз. Они не знают, что мы без оружия, мелькнуло в голове у Лешика.

– Михзална! – заорал он. – У тебя есть инструменты?

– В кабине! – простонала кондукторша. – Под сиденьем!

Лешик метнулся в кабину и после недолгих поисков обнаружил ящичек с отвертками. Схватив одну, он бросился назад и стал остервенело отворачивать тугие болты, закрепляющие сиденья. Пару раз вдарив ногой, Лешик расшатал наполовину открученное сиденье. Вогнав его спинкой в раму, Лешик методично бил по нему ногами, пока ему не удалось достаточно надежно законопатить форточку.

– Что же это будет, что же это будет, – монотонно приговаривал Вампир, баюкая свою забинтованную руку. – Я же Пашку... Мы же с Пашкой... Мать же не переживет...

«Ты бы пережил», подумалось Лешику, и он поспешил к Ире. Та сидела и отрешено смотрела в непроницаемую черноту окна.

– Лучше отойти, – посоветовал Лешик. – А то вон как они стекла лихо бьют.

– Ну и пусть бьют, – она повернулась к нему, и Лешик вновь поразился тому, какая она все-таки красавица. – Все равно.

– «Мы все умрем» – это штамп из импортных ужастиков, – сказал Лешик, приобняв ее за плечи. – Не дури. Все будет классно. Мы еще выберемся.

– Это тоже штамп, – чуть улыбнулась Ира. – Знаешь, когда я работала в школе...

– А ты работала в школе? – сделал удивленный вид Лешик. – Никогда бы не подумал! Тебе место скорее в рекламной фирме, на подиуме, наконец...

– Не перебивай. Так вот, когда я работала в школе, дети мне все время рассказывали какие-то ужастики, страшилки, который они смотрели по телевизору, пересказывали сюжеты каких-то мультсериалов, иногда даже снами страшными делились. И я их всех убеждала, что это все сказки, выдумки, и что в настоящей жизни человеку нужно ждать зла только от себе подобных. А теперь оказывается, что были правы как раз они, а не я?

– Ну почему же? – пожал плечами Лешик. – Вот если бы знала директора одного юридического института...

Они проговорили почти полчаса. Нет, все было по-прежнему: изредка их вагон пытались штурмовать и даже перевернуть, к стеклам приносили рожи одна страшнее другой, а по крыше бегали и пытались расширить вентиляцию, просовывая в салон здоровенные кривые когти (кстати, все же именно оттуда и последовал прорыв) – но юноше и девушке было все равно. Они разговаривали, а в душах их была одна и та же мысль – как жаль, что подобная встреча состоялась с ними именно здесь и именно сейчас. И – одновременно с этим – как хорошо...

Никто так никогда и не узнал, что случилось с пассажирами трамвая. Утром работники депо, водители, кондуктора только разводили руками, пытаясь понять: как случилось, что трамвай вошел в депо, но из него не вышел? Один из слесарей позже говорил, что видел, как вошедший в депо трамвай мгновенно окутала какая-то сиреневая думка, но все знают, какие сиреневые дымки окутывают мозги задержавшихся на работе слесарей. Поскольку имело место пропажа людей, само собой, завели и дело о пустом трамвае. Результаты были типичными для «глухарей»: кто-то был оштрафован, кого-то вообще выгнали с должности. Дело было спущено на тормозах, хотя один из следователей рассказывал в компании невероятные вещи. Например, возле колеса трамвая была найдена шапка-«жириновка», не принадлежащая ни одному из работников депо. А одно из окон было накрепко забито вывороченным сиденьем – похоже, им выбивали стекло, чтобы выйти наружу. Однако все три двери были открыты совершенно естественным путем. И еще под водительским сиденьем нашли человеческий палец с надетым на него перстнем с зеленым камнем, предположительно изумру-

дом. Перстень был женский, однако палец (мизинец, уточнял следователь) явно принадлежал мужчине...

Защитники Отечества

– Встать!

Одеяло – на пол. Щурясь от света, бьющего в глаза, я заслонился трясущейся рукой.

– Пижаму снять!

– Трудно мне...

– Разговоры! Куртку! Штаны! Быстро!

Двое стаскивают с меня штаны. Я изо всех сил стараюсь вытащить руку из рукава.

Не слушаются руки.

– Быстро, быстро, быстро! Штаны – вон. Куртку – вон.

– В чем...

– Разговоры!

В голову мне летит рубашка.

– Одеть!

Я начинаю торопливо застегивать пуговицы. Потом просто просунуть голову – и готово. Пальцы режет циркуляркой. Проклятый артрит...

– Две пятнадцать.

– Не успеваем...

Я нечеловеческим рывком натягиваю рубашку, едва не воя от боли.

– Брюки. Брюки одевай, скотина!

– Ребята, я ж быстрее не могу...

– Не наше дело. Товарищ капитан, он не подчиняется!

– На!

Что-то врезается мне в спину. Сразу вспомнились щупальца центавросов – хлесткие, но не очень болезненные удары.

– Я уже, товарищ капитан! Я уже...

– Пальто! Шапку! Живее, обезьяна!

Я шарю руками по полу.

– Чего тебе?

– Ботинки...

– В тапках пойдешь!

Накидываю пальто, натягиваю шапку, пытаюсь дотянуться до рукавиц на шкафу, но вновь получаю по плечам. Чем это они?

– Ногами работай, дедуля!

Бегу, спотыкаясь, вслед за мерно колышущимися спинами с цифрами на зеленых камуфляжах. В мою спину то и дело тыкается дуло.

– Давай, давай!

– Ступеньки, ребята!

– Ничего, прыгай!

Проклятая тапочка слетает с ноги.

– Дайте поднять...

– Не нагибаться! Марш, марш!

Бегу, стараясь больше наступать на обутую, правую ногу. Левую тут же начинает жечь холод.

– Товарищ капитан! Вот его тапка!

– Потом оденет, не укладываемся!

– Да что же...

– Разговоры!

На четвертом этаже заминка.

– В строй! В строй!

– Жека!

– Андрюха!

– И ты?..

– А ты...

– Разговоры!

Дальше бежим бок о бок. Вот так же бок о бок всю Великую Центаврскую прошли. А вместе мы с Андрюхой еще с гражданской.

– Знаешь?

– Не знаю.

– И я без понятия.

– Может, мобилизация?

– Вряд ли. Одеться бы дали.

– Значит?..

– Разговоры!

Второй этаж. Разворот. Половина камуфляжей – в окна. Ждать возле подъезда.

– Это же мы тогда, помнишь? Так же цефистов брали!

– А причем тут мы? Сейчас-то?

– Так, слушай мою команду! Из подъезда – бегом!

– Товарищ капитан, у меня одна нога!

– Знаю, разута.

– Нет. У меня вообще одна нога!

Это точно. Андрюха разминировал свой дом, бывший штабом у центавросов. Ошибся... Теперь вот на протезе.

– А, это ты, что ли, инвалид? Ничего, помогут.

– Спасибо!

Вылетаем из подъезда. По бокам – бластерчики. Дула – прямо в глаза.

– В колонну – стройся!

– А-а-а!!!

Сзади на меня падает пудовая тяжесть. Не удержавшись, валюсь на снег.

– Что там?

– Одноногий.

– За что вы его?

– Ну мы же обещали помочь!

Голос капитана лучится добротой.

– Да, в двадцать шестом попался бы ты мне...

Хлещет по спине «щупальце»...

– Подъем! Подъем! Чего разлеглись!

– Поспать захотели!

– Ха-ха-ха!!!

– В могиле отоспитесь!

За шиворот – рывком – на ноги. В руку тычется тапочек.

– Оденьте, товарищ!

– Митрохин! Стать в строй!

– Есть!

Но тапок уже на ноге. Понемногу отходят сведенные судорогой пальцы. На плечо – рука.

– Андрюха, держись!

– Кх-х-ха...

Кровь на щеке.

– Товарищ капитан, может, его здесь?

– Ни в коем случае! Был приказ – на площади!

– Давай ногу! Ставь на мою, ставь, не бойся!

– Я с-с-с... сам-м-...

– Ставь, говорю! Пошли! Раз! Два! Раз! Два!

– Торопимся, граждане! Шевелим копытами!

– Евгений, твою мать, и ты тут!

– Паша, сукин ты сын!

– Жека, здоров!

– Пока да, Вань.

– Черный юмор, блин!

– Разговоры!

Наша колонна соединяется еще с двумя из соседних домов. Я знаю почти всех. С кем-то служил, с кем-то учился... А вон Санька! Ого, и Коляныч тут!

– Что ж они, решили всех наших собрать?

– Ни одного лишнего, товарищ капитан!

– Давайте, немного осталось!

– Не могу-у-у!

– Кто это?

– Можешь, можешь!

– Да кто там?

– Игорь, кто же еще?

Опухший, валится на снег Игорь. Он совсем плохой. Ну еще бы – три года центаврской на тылах подьедался. Пусть теперь вместе со всеми поскачет!

– Не дойдет он, точно вам говорю!

– Два квартала осталось! Вставай, сволочь!

– Не м-м-м...

Один выстрел. Второй. Оплавленный снег. Крови почти нет – испарилась.

– Кто еще отдохнуть захотел?

– Мы идем, идем!

– Вот именно. А надо бежать!

– Бежим, товарищ капитан...

– А это кто у нас тут такой филантроп?

Хлещут то по мне, то по Андрюхе. Рычим от боли, но надо идти.

– Как тогда, Жень, помнишь? В Роще?

– Помню, Андрюха, ты молчи давай...

Как забыть Рощу? Половина деревьев срезана, как ножами. Центавросы, как макаки, носятся по ветвям. Чувствуешь себя персонажем «Дума». Лупишь во все, что движется. И бежать, бежать. В беге – спасение. От пня до пня, от куста до куста. Дым – глаза текут, дышать только через фильтр. Как мы тогда выжили, одному Богу известно...

– Полквартала! Живее, дохляки!

– Идем, идем! Паша, держи Леху, он заваливается!

– Лешка, твою мать, ты че?

Леха, с которым мы пять лет оттрубили в одном институте, хрипит и валится на бок. Ноги мечут снег. Клацанье затворов.

– Сто-ой! Не стреляй!

– Отойди, а то и тебя...

- Отставить!
- Товарищ капитан, скажите ему!
- Не стрелять! Он уже и так...

Леха бестолково пялится в небо. Снежинки аккуратно укладываются у него на лице. Одна, особо наглая, садится прямо на зрачок. Я отворачиваюсь.

- Дошли! Товарищ капитан, дошли-и-и!
- Стройся! Все в строй, я сказал!
- В одну шеренгу – ста-ановись!

Толкаясь, торопливо выстраиваемся в шеренгу. Я смотрю вдаль. Ох, как нас много! Вроде бы столько лет прошло!

- Ого, сколько их! – охранники бормочут.
- И не сдохнут никак!
- Точно!
- Тишина! Ти-ши-на!
- Слово предоставляется...

По площади голос из динамиков – как раскат грома. Тишина звенит, потрескивает, как копящийся разряд молнии.

- Товарищ...

Площадь начинает трясти. Грохот аплодисментов. Овация. Вопли. Шум. Андрюха тоже лупит в ладони. Невольно поддавшись общему настроению, я ору:

- Да здравствует...

Шум падает так же, как и поднялся. Негромкий, суховатый голос.

– Дорогие товарищи! С чувством невероятно глубокой признательности хочу выразить вам свою личную благодарность. Вы, и только вы...

Я смотрю на людей, стоящих в шеренге. У многих трясутся руки, подкашиваются ноги, но на лицах сияют улыбки, по морщинистым щекам – дорожки от слез.

- ...Орда воинствующих центавросов вероломно, без объявления войны...

Мои друзья безмолвствуют. Пашка стоит, закусив губу. Точно такое же было у него выражение лица, когда он вколачивал крест у изголовья свежей могилы своего брата, который закрыл его своим телом от выстрела в спину.

- ...В этот праздничный, светлый день разрешите пожелать вам...

Бластерчики с каменными лицами. Солдаты, которые только что гнали нас ударами хлыстов, смотрят на ряды ветеранов с завистью и одобрением. Товарищ капитан не скрывает слез.

- Поздравляю вас с праздником вас, дорогие мои! С Днем защитника Отечества! Ура!

Звериная тропа

Павел Леонидович Бабенко, а попросту дядя Паша, жил на окраине леса. Его дом в поселке значился под номером 47. Хотя остальные сорок шесть домов, как и положено в небольшом городке средней полосы России, кучковались, образуя подобие пчелиных сот, дом дяди Паши стоял особняком. Зависело это и от характера Павла Леонидовича, достаточно крутого и нелюдимого, и от его пристрастий. Дядя Паша будучи человеком, грубо говоря, «от сохи», любил покопаться в земле. Его огороδικ на десяти сотках частенько подвигался налетам поселковой детворы, хотя и знали ребята, чем грозило подобное нашествие. Одной крапивой в штаны можно было не отделаться. В поселке ходила байка о том, как одного мальчишку, пойманного за кражей огурцов, дядя Паша запер в сарай и, посадив на цепь, держал трое суток, кормя одними огурцами. Хотя этого никто не утверждал наверняка, слухи все же ходили. И, тем не менее, искушение было слишком велико. Таких овощей и фруктов, какие растил Бабенко, не было ни у кого из жителей поселка.

Сам же дядя Паша искренне считал себя строгим, но справедливым, а также весьма домовитым. Поэтому бдительно следил не только за своим огородом, но и за участком леса, который вплотную прилегал к его угодьям. Домик у Бабенко был небольшой, но его размеры с лихвой компенсировались огромным участком земли. Сразу за забором, ограждавшим участок, как раз и начинался лес. Никаких тропок к нему не вело – те, что были протоптаны с прошлого года, позаросли, так как лето выдалось засушливым, и грибов можно было не ждать. А поскольку на дворе все же был век двадцать первый, то и за дровами жители поселка не мотались, у всех было газовое отопление.

Жил дядя Паша бобылем, всего и интересов-то у него было – огороδικ да когда-никогда охота. Его собаку, черную немецкую овчарку Тину, вся округа знала как дикое и вольное животное, которое нимало не погнушается разрывом штанов чужака. Чужаками же Тина считала всех, кроме хозяина, к которому питала самую искреннюю приязнь. Дядя Паша отвечал ей тем же.

Так и жил Бабенко, перемежая огород, охоту и непременный просмотр пятничного «Поля чудес», кабы не одно малоприятное происшествие, которое оставило серьезный след на его биографии. Фактически оно ее и завершило.

Однажды утром дядя Паша вышел из дома и, подтягивая на ходу старенькие треники, направился к шлангу, чтобы прикрепить его к крану колонки и полить огурцы. Потом еще предстояло окучить картошку и подвязать помидоры. А еще... Словом, если бы под рукой оказался собеседник, ему немало пришлось бы выслушать об огородных культурах, добросовестно выращиваемых Бабенко. Однако в слушателях числилась только Тина, а так как она была порождением мира четвероногих, то принимать близко к сердцу слова дяди Паши не собиралась. Да ему того и не надо было, главное – пообщаться, раскрыть душу. А душу дядя Паша мог раскрыть только трем существам на свете – понятное дело, Тине, а еще слесарю Миронову и работнику книжного магазина Ганже, который, правда, книги читать не любил, а предпочтение отдавал фильмам, преимущественно зарубежным. О них он рассказывал своим друзьям, в ответ же получал дозу полезных советов об удобрениях от Бабенко и прокладках с шайбочками от Миронова. Странно, что три настолько разных человека находили общий язык. Хотя ничего странного не было – они дружили еще, почитай, с самого детства.

Закончив полив последней грядки, дядя Паша разогнулся и только хотел устало и шумно выдохнуть, как некое зрелище за воротами заставило этот самый выдох сдерживать. Затем Бабенко закрутил кран, подхватил валявшуюся на земле тяпку и двинулся за ворота.

Выйдя на улицу, он проследовал до самого окончания своих владений и уставился на то, что было перед его взором.

Прямо от дороги, которая делала возле дома Бабенко крутой разворот и уходила обратно в поселок, а затем дальше, в город, в лес уходила еле заметная, но все-таки выделяющаяся примятой травой тропка. Она затейливо вилась между кустами, которыми начинался лес, и уходила в самую его чащу. Ее-то и углядел со двора зоркий Бабенко.

– Эй! – позвал дядя Паша. – Кто там? Грибов еще нет!

Тина ответила ему залиvistым лаем, но из леса не донеслось ни звука.

– Эй! – опять позвал дядя Паша. – Слышь! Заблудишься – я не виноват!

Хотя, по правде сказать, дядя Паша был бы виноват, если бы искомый путник потерялся. Бабенко работал местным лесником. Точнее, он значился лесником, так как, собственно, браконьеров у них в поселке отродясь не было, а лесные пожары или прочая неприятность происходили крайне редко. Поэтому лес и дядя Паша демонстративно друг друга не замечали. Где-то раз в месяц Бабенко все же выбирался побродить по зеленым уголкам да потешить душеньку, подстрелив зайца или куропатку. В последний раз, насколько он помнил, ему удалось завалить матерого косоногого величиной с добрую собаку. Тина еле доволокла трусика до хозяина, за что ей был тут же пожалован заячий окорок. Но с того времени прошло, пожалуй, недели три. Так что, как ни крути, а отвечать за заблудшего пришлось бы все-таки Бабенко.

Чертыхнувшись, дядя Паша побрел обратно к дому. Ничего, ведь если гуляка не вернется, к кому прибегут за помощью? К нему, дяде Паше. Тогда, значит, все и выяснится.

На следующий день Бабенко проснулся злой и недовольный. Лаяла Тина. Лаяла громко, с подвывом. Диван злобно завизжал, когда дядя Паша вскочил с него и, не попадая ногами в тапочки, запрыгал по комнате. Кое-как нащупав в темноте рубаху, он оделся и выскочил во двор.

Уже совсем рассвело. Капли росы блестели на листьях растущих в огороде различных культур. Здоровенный подсолнух, свесив желто-черную башку, казалось, плакал, роняя капли росы на блестящую траву. Взвизгивая, Бабенко пробежал в тапочках до сарайчика, где вчера оставил галоши. С омерзением всунув ноги во влажную обувь, дядя Паша взглянул на истошно голосящую Тину. Определив же направление, в котором должен был находиться возмутитель спокойствия, дядя Паша глянул туда – и замер.

Тропка, которая вчера еле наблюдалась, стала раза в два больше. Теперь нельзя было сказать, что по ней прошли один-два раза. Нет, было такое ощущение, что по ней как минимум проехалось несколько машин. Однако, как вскоре выяснил дядя Паша, никаких следов от колес не было и в помине. Следов вообще не было. Создавалось впечатление, что в лес (или из лесу) тащили что-то очень большое и тяжелое. Но не было также и следов того, кто тащил!

Первым побуждением лесника было, разумеется, позвонить в милицию и сообщить обо всем. Однако дядя Паша тут же смекнул, что, раз нет следов, то нет и состава преступления. Если, к примеру, это какие-нибудь террористы решили устроить в лесу склад, то почему они не оставили следов? Почему их нет даже там, где заканчивается тропа? Чтобы перевезти, скажем, оружие или взрывчатку, необходима-таки машина! Не на вертолете же они прилетели? Тем более, что ни шума автомобилей, ни вертолетов Бабенко не слышал.

Все еще под впечатлением от увиденного дядя Паша вернулся к дому. И что же он увидел! Эта черная четвероногая гадость, эта мохнатая хвостатая дрянь сорвалась с цепи и теперь весело прыгала по его помидорам! Дядя Паша издал рев раненого марала и кинулся спасать своих зеленых друзей, попутно пригрозив Тине оставить ее без ужина.

Третье утро стало для Бабенко чем-то вроде пиратского флага на корабле для потерпевшего кораблекрушение – и облегчением, и страхом перед неведомой опасностью. Первым

делом, выйдя из дома, он кинул взгляд на тропу. Она еще более увеличилась. Одно маленькое деревце, находившееся на пути у того, кто проложил тропу, было безжалостно вырвано с корнем и валялось неподалеку. Но главное, что насторожило дядю Пашу, – он наконец-то обнаружил следы! Вернее, один след. Но такой, что это мигом заставило лесника забыть о всяческой милиции.

Отпечаток, найденный Бабенко возле тропы, не был похож ни на один известный ему звериный след. Огромный, больше медвежьего, он был мощно вдавлен в землю. Ощущение силы и опасности многократно увеличивалось отпечатками когтей, которых почему-то было не пять, а восемь. Когти уходили в мягкую от росы землю сантиметров на десять. Владелец таких когтей был, судя по всему, не очень дружелюбным обитателем леса, не говоря уже о том, что дядя Паша совсем не представлял, какого он может быть размера. Это открытие еще больше взволновало обычно невозмутимого лесника. Крепко поразмыслив, он все же решил никуда пока не обращаться. Однако Тину с цепи спустил, да и оружие в хате перевесил из гостиной в спальню над кроватью – так спокойнее.

Истошный лай Тины разбудил его и на следующее утро. Рывком сдернув двустволку с ковра, дядя Паша кинулся на шум. Однако лай мгновенно сменился протяжным взвизгом, который так же молниеносно оборвался. Когда Бабенко наконец выскочил из дома, в пределах его территории собаки не наблюдалось.

Тина обнаружилась с другой стороны забора, как раз перед лесом. Огромная, как бы оставленная катком тропа в этом месте была забрызгана кровью. Передняя половина овчарки с оскаленной в предсмертном вое пастью валялась у старого вяза, который, склонившись, как бы создавал арку у входа в чащу. Второй половины не было видно вообще. Когтистых же следов прибавилось. Теперь их было уже три.

Дядя Леша был в состоянии, которое психологи назвали бы «паникой». Хотя применить подобное понятие к дяде Паше никому бы не пришло в голову. Лесник славился в поселке своей непошибаемостью. Иначе откуда бы появилась легенда о мальчике, закормленном огурцами? Хотя, возможно, это была не такая уж и легенда. Сейчас-то уже никто не скажет...

Дядя Паша оделся попроще и отправился в поселок. Вернулся он оттуда уже с друзьями. Слесарь Миронов и книготорговец Ганжа внимательно выслушали все о происшедших событиях, посмотрели на следы и то, что осталось от овчарки, а затем поинтересовались, что же собирается предпринять отважный лесник? Лесник сказал, что не так уж он и отважен, но спускать кому бы то ни было кончину нежно любимой им собаки не собирается – будь то медведь-переросток или усама бен ладен с приделанными для страха лапами на сапоги. Против хорошо смазанной и заряженной двустволки ни один негодяй не поперет.

Поскольку ни слесарь, ни тем более торговец разумным и вечным никаким оружием не владели и с лесом водили лишь шапочное знакомство, никого из них дядя Паша с собой не взял. Сам пошел, один. Велел одно только сделать: если вдруг услышат друзья выстрелы, пусть немедленно милицию вызывают. Либо его найдут, либо сволочь, собаку растерзавшую. Ганжа клятвенно заверил друга, что лично побежит в поселок и предупредит товарища майора Самсонова о случившемся.

– Но до выстрелов чтобы ни-ни! – потребовал Бабенко. – Он теперь мой кровник!

И, накинув камуфляжную куртку, с ружьем наперевес, дядя Паша направился по тропе. Еще какое-то время его фигура мелькала среди деревьев, но вскоре полностью растворилась, слившись с листвой. Миронов же с Ганжой пошли в дом лесника, где принялись ждать исхода событий. Поскольку просто так ждать было скучно, то в ход пошли сначала кроссворды, потом – карты, ну а уж за картами и тяпнуть не грех...

Именно слабость в коленках впоследствии неумеренного употребления найденного в подвале дяди Паши домашнего вина, которое, как известно, бьет не в голову, а по ногам,

и помешала друзьям вызвать милицию в ту же ночь. Карточные партнеры тут же пришли в себя, едва только услышали звуки, доносившиеся из доселе безмолвного леса. После ужасающей силы рева слышались крики. Кричал Бабенко. После коротко бабахнувшего дуплета до ушей онемевших от ужаса собутыльников донесся еще какой-то шум, происхождение которого осталось неясным, но более жутких, вызывающих дрожь звуков приятелям не доводилось слышать ни до того, ни после. А затем – еще более жуткая – тишина.

Ганжа решился высунуть нос из дома только с появлением солнца, которое, правда, еле светило из-за начавших сгущаться облаков. За ним, не желая оставаться один, последовал и Миронов. Вооружившись топором и здоровенным ножом для рубки мяса, они осторожно двинулись по тропе. Из рассказов лесника они поняли, что при свете дня неведомое существо не появлялось, а значит, и риск пройти по тропе был значительно уменьшен.

Долго идти им не пришлось. Судя по следам, Бабенко дошел до конца тропы, которая тянулась с пару километров (дальше друзья решили не заходить), после чего, не найдя того, что искал, стал возвращаться, но неожиданно свернул на поляну, на которую как раз и вышли Миронов с Ганжой. Может, его заманили на поляну, а, может, он решил устроить засаду – кто знает? Факт был в том, что дядя Паша достиг своей задачи и встретился с тем, кто погубил его собаку. Встретился, чтобы закончить свои дни на этой достаточно уютной для пикника, но совсем не подходящей для смерти полянке.

Кончина его была ужасна. Судить об этом можно было не только по обилию крови, залившей всю поляну, но и по тому, что осталось от Бабенко. Одна его рука валялась в стороне, судорожно сжимая кулак. Другая же, держа мертвой хваткой двустолку, застряла в низко склоненных ветвях дикой сливы. Собственно, больше ничего от дяди Паши и не осталось. В то время как то, что разорвало его на части, не было даже ранено – видно, оба ружейных заряда ушли впустую.

Как ни быстро бежали друзья в поселок, как ни торопились они рассказать все товарищу майору Самсонову, однако против погоды им было не устоять. Сгустившиеся мрачные тучи изрыгнули пару молний, вслед за которыми хлынул мощный поток, который моментально превратил все дороги и тропы в чавкающие грязью лужи. Ни о каком расследовании не могло быть и речи по крайней мере на ближайшие два дня. Но как только дороги поселка перестали разлезаться под ногами, как гнилые половики, следственная бригада во главе с товарищем майором отправилась за поиском доказательств невероятной истории.

Увы, после прошедшего дождя ничего не было обнаружено. Да и саму тропу друзья едва сумели показать. Пройдя по ней с полкилометра, чертыхаясь и едва успевая вытаскивать ноги из мгновенно образующихся во мху и грязи ям, опергруппа решила не продолжать поиски. Лес был прочесан спустя неделю, но ничего, никаких следов Бабенко и того, кто, по словам свидетелей, расправился с ним, найдено не было.

Миронову и Ганже попытались приписать убийство лесника, однако дело опять-таки пришлось прекратить за неимением улик. Личное дело Бабенко, полученное из городского управления лесничества, было сдано в архив с пометкой: «Пропал без вести».

Друзья же, слесарь и книжник, настаивать на продолжении следствия (не в отношении себя, разумеется) не стали. Во-первых, они были уверены, что ничего из этого не выйдет: если милиция обычных-то убийц не всегда находит, то что уж о необычных говорить? Во-вторых, родня просто подняла бы их на смех, если бы столь необычное дело получило широкую огласку. А так о происшедшем знали лишь сотрудники милиции. Лесник был настолько одинокой, незаметной и мрачноватой фигурой, что о его исчезновении мало кто озаботился.

Но было и еще кое-что, заставляющее Ганжу и Миронова хранить молчание. Конечно, и медведь-мутант (к этой версии склонялись и в милиции), и волк-переросток могли разве что насторожить двух взрослых современных людей. Но ни слесарь, ни работник книжного магазина не могли себе представить, что же за зверь обитает в их лесу, и это больше всего

страшило друзей. Ведь в кулаке оторванной руки дяди Паши находилось то, что не могло принадлежать никакому из известных лесных зверей, пусть даже и с восемью когтями.

В предсмертном захвате пальцы Бабенко сжимали несколько огромных, сухих и острых, как бритва, костяных чешуек...

Как в страшной сказке

- Скажи: «Дэн».
- Ммввв...
- Скажи: «Денис».
- Ккххх...
- Ну, пожалуйста! «Дэн»!
- Ммм!

Дэн с тоской посмотрел в лишенные всякого выражения серые глаза. Никакой реакции. Но он не отступится. Какого черта? Не выйдет в сотый раз – выйдет в сто первый. Может быть.

– ...Денис! – донесся до его слуха пронзительный голос Анжелы. – Ты опять возишься с этой мумией? Научи ее чему попроще, например, «Попка – дурак»!

– Твою мать, – выругался Дэн. – Коровам слова не давали!

Естественно, он постарался, чтобы до «коровы» не донесся его крик души.

– Мм, – потребовала внимания Кристина.

– Извини. Скажи «Кристина».

– Ииннаа...

– Уже лучше!

Дэн привстал с кресла и воодушевленно потрепал девушку по плечу. Ничего, капля камень точит! Еще немного, и у нее получится произносить слоги. А дальше – чем черт не шутит! – возможно, Кристина будет свои мысли (если они у нее есть) выражать словами. Пусть даже примитивными, но это был бы такой шаг вперед!

Он задрал голову. Мягкий свет заходящего солнца заливал темную синеву неба, землю, дом и лица – его, румяное и обветренное, и Кристины, серое и безжизненное. Тепло, черт возьми! Хотя уже октябрь. Спасибо природе, хоть она не подводит.

Дэн не знал, сколько им удастся продержаться на этом клочке обжитой земли. Возможно, месяц. Если повезет, год. А если гавкнется чудом еще работающая ТЭЦ, то срываться придется на следующий день. У практичных американцев, судя по их фильмам, чуть ли не в каждом доме есть мини-электростанция. У наших же «фермеров» в лучшем случае найдется примус и запас свечей. И то хлеб.

Представив себе их троицу, с воодушевлением уплетающую свечные бутерброды, Дэн усмехнулся. Сидящая напротив Кристина раздвинула губы в ухмылке. Обезьянничала.

– Очень смешно, – Дэн поежился.

Усмешка Кристины продрала до костей. Еще этого не хватало, и так Анжела всю плешь проела – «отделайся от нее», «прогони ее», «у меня от этой образины с души воротит» и те де, и те пе. Но он не мог, а вернее, не хотел ни избавляться от Кристины, ни понимать, что она может кому-то причинить вред. Так же, как не верится, что кому-то может причинить вред твоя любимая кошка или морская свинка.

Нет, Кристина не могла причинить вред. «Овощи» вообще никому не могли причинить вреда. Это доказывала вся история их появления – то есть все последние два месяца. Именно два месяца назад все и произошло.

Вернее, что произошло – Денис не знал. Да и кто бы ему рассказал? Те ученые, которым взбрело в голову испытать новую версию нейтронной бомбы? Они погибли первыми – их просто не стало. Пуф-ф. Как не стало и всех, кто находился в непосредственной от них близости – то есть на том земном полушарии, на котором располагалась родина ученых. Денис не знал о том, какой из компонентов нового оружия умертвил семьдесят процентов населения планеты, а какой – оставил в живых оставшиеся тридцать. Ему это было попр-

сту неинтересно. Хотя тех слов, которыми он ежедневно костерил этих людей, было явно недостаточно. Для него, естественно. Ученым, собственно говоря, было уже все равно.

Итак, где-то около 30 процентов населения осталось в живых. И лишь пять из них сохранили свой человеческий облик. Нет, остальные не стали мутантами, нет! Не стали они и вампирами, оборотнями, зелеными человечками, или какими-нибудь динозаврами вследствие запущенной вспять эволюции.

Они стали... Ближе всего применительно к ним было наименование «зомби», причем в его истинном значении: «ходячий мертвец». Они утратили все, кроме телесной оболочки. Движущиеся манекены. Они бродили по городам и странам, натывая друг на друга, на стены и предметы, абсолютно не нуждаясь ни в чем, кроме еды и питья.

Ели они все подряд – что могли переварить и чего не могли. Некоторые пытались попробовать живой человечинки, но как-то вяло, без энтузиазма. Дэн в своих странствиях пытался обходить «овощей» стороной, но не из опасений за свою жизнь, а больше из брезгливости. Начнет вот так какая-нибудь немывтая тетка в обносках тупо хватать за руки, приходится отталкивать, а то и съездить по морде. А привычка соблюдать правила приличия отмирает медленно.

Зато кладбища облеплены «овощами», как навозными мухами. Чуют они хорошо, роют тоже, свободного времени навалом. У Дениса до сих пор загрибок дыбом, как вспомнит свалку тел на кладбище одного небольшого поселка, попавшегося ему по дороге. Он потом три дня крошки в рот взять не мог, все в кусты нес.

Мерли они тоже как мухи. Мерли от всего подряд: от некачественной пищи, от падения с большой высоты, от неумения плавать – в своем бесконечном движении многие заходили в воду и тонули.

Дэн, как и многие оставшиеся в живых, сначала долго не мог понять, что произошло. Просто в тот самый день по дороге на каждодневную работу в магазинчик по прокату велосипедов его (опять-таки, как и прочих выживших) шокировало зрелище разом осевших на землю десятков и сотен людей. Одновременно с этим весь город, в котором на тот момент проживал Дэн, потрясла серия ударов, взрывов и толчков: весь городской транспорт одновременно потерял шоферов. Даже сейчас, спустя два месяца, Дэн мог определить местоположение крупных городов по черным дымовым столбам. Эти пожары не могли затушить слабые дожди, проливавшиеся за это время всего три или четыре раза.

Денис, впрочем, не особо паниковал. Нет, конечно, когда это случилось, он был в ужасе. Но сейчас, спустя два месяца, он свыкся с ситуацией, оценил ее со всех сторон и даже нашел в ней приятные стороны. Оценил он ее так: какие-то мудаки взорвали что-то, что убило почти всех людей, а остальных превратило в овощи. Что-то вроде нейтронной бомбы. Дэн был безумно рад, что бомба оказалась не атомной. Но еще больше он был рад тому, что овощи оказались не агрессивными – иначе «зомби-апокалипсис», как его видели Фрэнк Дарабонт и Джордж Ромеро, добил бы ту горстку людей, что отчаянно пыталась спастись в нынешней ситуации.

- Дени-и-ис! Сколько можно орать! Иди сюда!
- Зачем? Тебе надо – ты и иди! – огрызнулся Дэн.
- Ты же знаешь, я не могу видеть эту тварь!
- На себя посмотри.
- Ах, так?
- Так!

Анжела выскочила на порог. Нет слов, сначала, когда Дэн повстречал ее, трясущуюся от страха, в одном из городков, оставшихся без света и еды (консервы не в счет), он был очень рад живому существу. Хотя у него уже тогда была Кристина...

- Опять ты дурыю маешься с этим баклажаном! – истерично закричала Анжела.

– Умолкни, – хмуро ответил Дэн. – Заладила одно и то же.

– Тогда я сама ее выгоню!

Анжела толкнула в грудь безвольно качнувшуюся Кристину.

– Ну, ну! – прикрикнул Дэн, становясь между ними. – Начинается!

– Давно уже началось! И не закончится, пока ты не поймешь!

– Чего?

– Либо ты избавишься от нее...

– Либо?

– Либо это сделаю я!

– Да что ты говоришь? – Дэн прищурился. – Я скорее избавлюсь от тебя.

– Ч-что? – Анжела чуть не подавилась. – От меня? А сам с кем останешься, с дохлой стервой?

– Она ничем не хуже тебя. Даже наоборот – шуму от нее меньше.

– Трахайся тогда тоже с ней, некрофил чертов!

Что правда, то правда. Дэн был готов признать, что в этом отношении от Анжелы больше толку. Когда он только нашел ее, секретаршу, которая пряталась в бывшем офисе своей фирмы, первое время они постоянно занимались бурным и яростным сексом – снимали напряжение после шокирующих событий последних дней. Но по мере того, как Дэн все лучше узнавал Анжелу, нравилась она ему все меньше и меньше. Хотя на количестве сексуальных упражнений это никак не сказалось. В конце концов, Дэн был готов терпеть ее брюзжание по поводу их постоянных переходов из одного поселка в другой (в крупные города Дэн не лез, они даже издали напоминали овощные ряды в супермаркете – ощущение не из приятных), по поводу однообразной еды или чего угодно еще, но ее выпады в адрес Кристины становились все злобнее. А этого Дэн, и без того измученный, выносить был уже не в состоянии.

Кристина была с ним дольше. Собственно, это он ее таскал с собой, как мог, мыл, расчесывал, переодевал. Кристиной он ее назвал в честь любимой актрисы Кристины Риччи. Как звали девушку на самом деле, он не знал – слышал краем уха: то ли Оля, то ли Юля... Еще в той, нормальной жизни, «то ли Оля, то ли Юля» была его соседкой – познакомиться с ней Дэн мечтал давно, но природная неуверенность в себе мешали ему сделать первый шаг. Каждое утро они сталкивались то на выходе из подъезда, то у остановки, где оба ожидали трамвая. Далее обоюдных «приветов» дело не заходило, но Дэн мечтал, что когда-нибудь, когда-нибудь...

«Когда-нибудь» наступило через неделю после того, как за смерть проголосовало 70 процентов землян. Дэн уже узнал, что он – единственный выживший в своем поселке, уже стащил тела родителей, брата и все валяющиеся по ближайшим улицам трупы в овраг и вылил в него все найденные в магазинах запасы «Белизны». Не узнал он одного – что все кошки и собаки, равно как и все звери и птицы планеты, вымерли наряду с людьми. Поэтому царапанье, раздавшееся в два часа ночи в его заднюю дверь (замок на которой с недавних пор он проверял каждый божий день), он приписал наконец вернувшемуся сиамскому коту. Открыв дверь, он чуть не заорал от радости – за ней стояла Кристина, чье настоящее имя он так и не узнал. Спустя мгновение его радость поблекла – девушка была явным овощем. Но в ее когда-то безумно красивых серых глазах Дэн прочел немую просьбу принять и защитить. Или ему просто показалось тогда, что прочел. И он принял. И теперь был вынужден защищать от нападков Анжелы.

– Не лезь в бутылку, – попросил он и попытался перевести все в шутку. – Воспринимай ее как волнистого попугайчика. Сама же сказала про попку, помнишь?

– Не заговаривай мне зубы, Дениска, – она оттолкнула Кристину и присела к нему на колени. – Я не могу. Я устала. Мне все время кажется, что ночью она ворвется к нам и загрызет обоих.

– Мы вместе уже почти месяц, – сказал Дэн. – Месяц мы видим таких же, как Кристина, на каждом шагу. Скажи, хотя бы один из них попытался напасть на тебя? Поэтому пообещай, что не причинишь ей вреда.

– Я не собираюсь причинять этой...

– Кристине.

– ...этой Кристине вред. Я просто хочу, чтобы она исчезла из нашей жизни.

– Да в чем дело, я не понял? – Дэн опять начал заводится. – Что это еще за «наша» жизнь? Мы выжили, ты понимаешь это, мы – не только мы с тобой, но и овощи! Они тоже живые! Может быть даже, где-то в глубине мозга, у них сохранилась капля разума?

– Не понимаю, причем тут она? – Анжела поджала губы.

– При том, что я пытаюсь наладить с ней контакт! Если у меня получится с ней, значит, получится и с остальными! А ты, вместо того, чтобы помочь, устраиваешь идиотские сцены ревности!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.